

УДК 1 (091)

КАТЕГОРИЯ ВОЗВЫШЕННОГО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ИСТОРИИ Ф.Р. АНКЕРСМИТА

А.А. Аванесян

ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь

Историческая теория Ф. Анкерсмита представляет собой попытку преодоления кантовской эпистемологии. Опираясь на аристотелевскую стратегию познания, автор развивает концепцию непосредственного восприятия прошлого, которое связывается с опытом ностальгии – острого чувства разности между прежним и нынешним состоянием одного и того же объекта. Именно опыт актуального соприсутствия прошлого и настоящего, наиболее ярко проявляемый в момент осознания разрыва между ними, полагается фундаментом исторического познания, а травматический характер подобного опыта стимулирует его объективацию. И благодаря подобной объективации оказывается возможным соединить исторический опыт с повествованием о прошлом. Категория возвышенного позволяет Ф. Анкерсмиту связать в рамках одной теории непосредственное восприятие прошлого и его нарративное описание.

Ключевые слова: нарратив, нарративная субстанция, ностальгия, травма, возвышенный исторический опыт.

Философская рефлексия Ф.Р. Анкерсмита развивается от исследования логики нарративной репрезентации прошлого к построению теории непосредственного восприятия опыта исторического. Написанная под влиянием лингвистического поворота, озаменованного аналитическим проектом философии истории, «Нарративная логика» посвящена вопросу о том, как историками конструируются тексты о прошлом. Но в дальнейшем голландский специалист отходит от этого направления, ставя целью преодоление логоцентризма исторической теории, что в конечном итоге приводит к формулированию понятия возвышенного исторического опыта в качестве ключевого элемента выстраиваемой концепции непосредственного восприятия прошлого. Этот переход может создать впечатление достаточно резкого и противоречивого разрыва, оцениваемого как выход за пределы философского анализа эпистемологических основ истории [14, р. 5] или даже как возврат к романтическому взгляду на прошлое [13, р. 176]. Между тем само движение философской мысли Ф. Анкерсмита представляется последовательным и взаимосвязанным, и во многом именно те выводы, к которым приводит попытка построения логики нарратива, создают основу для развития глубоко оригинальной и детально проработанной теории восприятия опыта прошлого. В этой связи очень важно начинать исследо-

вание теории возвышенного исторического опыта именно с раннего этапа оформления исторических воззрений голландского философа.

Анализ логики построения нарратива Ф. Анкерсмит начинает с четкого определения области интересов философии истории как дисциплины, продолжая традицию различения «исторического исследования» и «нарративного написания истории». Проведение собственно исторического исследования, т. е. установление отдельных фактов о прошлом, полностью относится к сфере компетенции профессиональных историков, философов истории же интересует именно историческое сочинение как целостное повествование. Показателен тот момент, что при этом Ф. Анкерсмит приводит пример теории Р. Коллингвуда, принимая сравнение работы историка и детектива и обозначая областью своего исследования именно то, как отдельные факты связываются в последовательный нарратив [3, с. 22]. В центр внимания ставится проблема, для рассмотрения которой самим Коллингвудом развивается концепция априорного воображения и фундаментальной идеи истории, но рассматривается она с несколько иных позиций. В качестве основания теории нарратива голландский философ предлагает тезис о том, что текст, повествование всегда является проявлением интеракции между людьми [там же, с. 36], что позволяет поставить вопрос о существовании определенных правил его построения, без которых невозможно достичь взаимопонимания. В соответствии с этим ставится задача выявления и анализа этих правил. Решение этой задачи начинается с рассмотрения формальной структуры нарратива, состоящего из единичных констатирующих высказываний. Содержанием подобных высказываний являются утверждения о неких фактах действительности, и по этой причине они могут быть истинными или ложными. Однако, будучи сложным из некоторого количества единичных высказываний о прошлом, сам исторический нарратив не является высказыванием по форме, поскольку значение сингулярного утверждения не ограничивается констатацией его истинного или ложного соотношения с действительностью. По аналогии с тезисом Л. Витгенштейна о том, что значение слова определяется его употреблением в языке [7, с. 99], значение единичного высказывания зависит от контекста его использования. Поскольку же значение отдельного высказывания тесно связано со значением окружающих его высказываний, смысл нарратива как целостности не может быть выведен кумулятивным сложением составляющих его частей. Соответственно и вывод о достоверности нарратива не может быть выведен исходя из истинности или ложности составляющих его высказываний, более того, само утверждение об истинности нарративного представления прошлого не является правомерным. Высказывание обладает определенным рода устойчивостью, оно либо соответствует действительности, либо нет, сочетаясь же в целостность, подобные сингулярные элементы приобретают новую когнитивную значимость, отличную от простой

суммы их значений. Согласно подобному видению, нарратив всегда обладает неопределенностью в большей или меньшей степени, его скорее можно описать как «хороший» или «плохой», чем как истинный или нет [3, с. 108]. Аргументированная таким образом автономия нарратива как целостности позволяет не уделять в рамках проводимого Ф. Анкерсмитом исследования внимание структуре единичных высказываний о прошлом, т. е. не рассматривать вопрос о том, как историками производится знание о прошлом, сосредоточившись на проблеме повествовательной организации исторического познания.

Утверждение самостоятельного когнитивного потенциала нарратива выявляет глубокий разрыв между единичным высказыванием и целостным текстом. Если высказывание напрямую связано с определенным фактом действительности, то на уровне повествования это строгое соответствие утрачивается. С данным ходом рассуждений соотносится выбор между нарративным реализмом и идеализмом, который голландский философ делает в пользу последнего. Под нарративным реализмом при этом подразумевается представление о сущностной связи повествования о прошлом и самого прошлого. Исторический текст в подобных концепциях рассматривается как изложение взаимосвязанного развития событий нарративными средствами, т. е. как передача одной семиотической системы средствами другой, что предполагает существование правил адекватного перевода прошлой реальности на язык нарратива. В этом смысле нарратив воспринимается в качестве средства, применение которого позволяет увидеть историю так, как она «происходила на самом деле», другими словами, прошлое определяет тот способ, которым оно может быть описано. Для Ф. Анкерсмита подобный подход неприемлем, поскольку структура нарратива не повторяет структуру прошлого, вернее, прошлое не обладает структурой нарратива, но историк сам навязывает ее [там же, с. 128]. Историческое становление недоступно наблюдению как связная последовательность, подобная последовательность может быть сконструирована только в рамках повествования о прошлом. Так формируется ключевой пункт предлагаемой теории нарратива, согласно которому исторический текст должен быть рассмотрен исключительно как лингвистический конструкт в отрыве от описываемой им действительности. По той причине, что нарратив не представляет собой прямого отображения реальности, правила его построения не могут быть раскрыты как правила выражения события языковыми средствами, но должны быть выведены путем исследования самого нарративного познания прошлого. Релевантной такому направлению исследования оказывается развиваемая Х. Уайтом в «Метаистории» концепция литературного анализа текста о прошлом. Следует отметить, что, с точки зрения Ф. Анкерсмита, уайтовская тропология, определяя историческое познание как попытку объяснения прошлых структур и процессов через их репрезентацию при помощи вербальных структур в

форме повествовательного дискурса [16, р. 2], занимает промежуточное положение между нарративным реализмом и идеализмом, поскольку сохраняет тенденцию представления реальности согласно правилам перевода. Но при этом сама концепция метафорической репрезентации оказала значительное влияние на предлагаемое «Нарративной логикой» видение нарратива как целостности и его функционирования в культуре. Отказ от представлений о том, что историческая действительность определяет структуру своего описания, оставляет единственно возможным рассмотрение нарратива в качестве интерпретации прошлого. Каждый нарратив формирует собственную точку зрения, в свете которой история раскрывает себя. Именно в этом усматривается принципиальное отличие истории от естествознания: если в точных науках концептуальное «видение как...» предшествует конкретному исследованию, оно дано заранее, то перед историком стоит задача конструирования подобного рода гештальта, представления о предмете изучения, в процессе нарративного познания [3, с. 135]. Нарратив выступает в качестве репрезентации недоступного для восприятия прошлого.

Подобный подход в теории Ф. Анкерсмита сочетается с применением методов лингвистической философии [13, р. 178], в рамках которой рассматривается внутренняя структура нарратива. Основной задачей нарратива как интерпретации является формирование определенного рода представления об исторической реальности. Такие представления выражаются при помощи образов или картин прошлого – специфических понятий исторического познания. В рамках нарративной логики они формулируются как нарративные субстанции, наиболее простые и основополагающие элементы структуры повествования о прошлом. Представляя собой методологическое средство интерпретации явлений действительности, нарративные субстанции сближаются по своему значению с идеальными типами М. Вебера, что заставляет голландского специалиста четко дистанцироваться от последних. Выделяемые немецким социологом идеально-типические понятия выступают в качестве эпистемологических абстракций, продуктов выделения и абсолютизации неких черт исторически данных явлений [6, с. 390]. В том виде, в котором подобные мыслительные образы формулируются исследователями, они не имеют абсолютно точного воплощения в действительности, но благодаря своему обобщенному характеру дают возможность сопоставления различных индивидуальных фактов с идеальной моделью. Ключевой чертой нарративных субстанций, отличающей их и от идеальных типов и от естественнонаучных терминов, является то, что они не ссылаются ни на какие объекты действительности, все их существование полностью ограничено рамками нарратива, они всегда единичны и определяются только содержанием данного конкретного текста. Нереперенциальность данных комплексов создает достаточно серьезное затруднение, поскольку по своему наименованию они часто

совпадают с именами объектов действительности. Например, термин «консерватизм» может выражать как приверженность конкретного человека определенным убеждениям, так и понятие, используемое историком для организации знания о прошлом [3, с. 141]. В связи с этим Ф. Анкерсмит противопоставляет нарративные субстанции нарративным субъектам, подразумевая под последними субъекты высказываний как они понимаются традиционной теорией суждений, т. е. как термины, отсылающие к неким явлениям реальности. Таким образом, различаются два типа нарративных субстанций: строго индивидуальные по своему наименованию – их название сформулировано конкретным автором, например «холодная война» или «маньеризм», и нарративные субстанции, по своему наименованию совпадающие с нарративными субъектами, которые в свою очередь отсылают к некому факту действительности. Наиболее ярко нарративные субстанции такого типа представлены именами собственными. Так, упоминая Людовика XIV, каждый историк указывает на конкретную историческую личность, и в этом значении данное имя является субъектом, о котором идет речь. Но при этом, предлагая некую интерпретацию биографии французского короля, историк создает единичную нарративную субстанцию, выражением которой является то же самое имя [там же, с. 194]. Может быть создано бесконечное множество в разной степени отличающихся друг от друга биографий одного человека, и в каждой из них будет сформулирована своя собственная нарративная субстанция, но нарративный субъект при этом во всех этих биографиях останется одним и тем же. Важно отметить, что развиваемая Ф. Анкерсмитом нарративная логика не предполагает сущностного различия между имеющими и не имеющими референциальное соответствие нарративными субстанциями. В рамках целостного нарратива и те, и другие функционируют единообразно.

С положением о том, что нарративная субстанция не имеет бытия за пределами текста, в котором она сформулирована, тесно связано утверждение возможности ее определения только путем перечисления всех принадлежащих ей свойств. Такого рода смысловые образы представляются сущностями в аристотелевском понимании, именно вещами, и наряду с вещами реального мира они, являясь тем, о чем идет речь в высказывании, при этом сами не являются частью высказываний [там же, с. 146]. Частью предложения может быть только наименование нарративной субстанции. Равно как и высказывания оказываются не составными частями нарративной субстанции, но ее свойствами, предложения определяют данные образы, но однозначно они определяются только всеми предложениями, которые они содержат. Согласно нарративной логике голландского философа, нарративная субстанция конституируется высказываниями, но только теми, которые она фактически содержит, прибавляя или удаляя какое-либо высказывание к данному значению, мы получаем уже другую нарративную субстанцию. Допустимо бесконечное

множество интерпретаций понятия «Ренессанс» разными исследователями, и в каждой из них ему будут приписываться различные, вплоть до прямо противоположных признаков. Как указывал А. Данто, возможно бесконечное множество нарративных предложений, истинно описывающих одно и то же явление [9, с. 162]. Своеобразие подхода Ф. Анкерсмита в том, что в различных текстах, даже посвященных одному вопросу, речь идет фактически о разных сущностях, о разных нарративных субстанциях. Именно поэтому в его исследовании утверждение о том, что «полное понятие» нарративной субстанции содержит все свои предикаты с необходимостью, выделяется в качестве наиболее фундаментальной теоремы нарративной логики [3, с. 197]. В отличие от объектов, присутствующих в реальности, нарративную субстанцию нельзя идентифицировать, указав какую-либо характерную черту, ее можно только индивидуализировать, перечислив все принадлежащие ей атрибуты. Нарративная субстанция всегда единична и не может быть подвергнута операции обобщения, ее значение строго определено ее собственными границами, и за пределами текста не может быть ничего, что помогло бы лучше ее понять. В этом смысле понятие нарративной субстанции очень близко к монаде Лейбница. Более того, поскольку нарративные субстанции не имеют внетекстового бытия, с точки зрения Ф. Анкерсмита, применение монадологии к теории нарратива оказывается менее противоречивым, чем в самой философии Лейбница. Концепция Лейбница оставляла проблематичным соотношение постулируемой автаркии, абсолютной непрозрачности «не имеющих окон» монад с утверждением предустановленной гармонии, призванной объяснить возможность согласованного взаимодействия между ними. Нарративная логика снимает эту проблему, допуская совместимость любых возможных высказываний о нарративной субстанции [там же, с. 212]. Нарративные субстанции являются полностью самостоятельными и не могут оказывать определяющего воздействия друг на друга, в нарративном мире не существует каузальных связей. Но именно в силу этой причины становится возможным создание убедительных нарративов, утверждающих определенную последовательность событий. Подобная последовательность не обнаруживается в самой исторической реальности, единичное событие не детерминирует с необходимостью строго определенные последствия. Более того, только после наступлений последствий какого-либо события можно предпринять попытку связать их с предполагаемой причиной. Задаваясь вопросом о том, какой должна быть идеальная хроника, А. Данто пришел к выводу, что хронист должен с необходимостью знать будущее, чтобы адекватно отобразить наиболее релевантные факты действительности, поскольку невозможно заранее знать, влияние каких событий в дальнейшем будет существенным [9, с. 154]. По сути, до создания исторического нарратива историю как поток происходящего невозможно охарактеризовать ни закономерной, ни случайной, подобное измерение попро-

сту неприменимо к ней. Оперирова же нарративными субстанциями, историк теоретически в состоянии совершенно произвольно связать различные события любым удобным для него способом. С этой точки зрения ответом на вопрос о причинах того или иного события может быть только убедительный и взаимосвязанный рассказ об определенном промежутке времени. Согласно нарративной логике объяснением прошлых событий является их подробное описание, и по этой причине нарративы обладают практически безграничным потенциалом для раскрытия и объяснения изменений и становления во времени. Создаваемые историком описания развития событий могут быть настолько убедительными, что создается иллюзия того, что взаимосвязанность повествования принадлежит самой ткани исторической реальности. Именно такого рода ошибка, по мнению Ф. Анкерсмита, была характерна для философии историзма, представители которой, верно описывая логику познания прошлого, рассматривали ее при этом в качестве логики самого исторического развития [3, с. 178].

Важным моментом представляется то, что для раскрытия характера нарративных субстанций в качестве одного из их примеров приводится самосознание человека. Самоидентификация рассматривается как логический конструкт, выражающий единство и взаимосвязанность уникальных переживаний и чувств конкретного индивида. Понятие самосознания позволяет говорить о том, что составляет личность человека, строго дифференцировать принадлежащие ей черты от внешнего мира. Отталкиваясь от утверждаемой Витгенштейном неререференциальности местоимения «Я» [7, с. 206], Ф. Анкерсмит определяет это понятие в качестве «логической сущности, обеспечивающей возможность описания (исторического) изменения, претерпеваемого мною в течение (периодов) моей жизни, где “изменение” определяется в терминах переживания и восприятия мной того, что я вижу как самое себя» [3, с. 260]. Атрибутирование самосознания в качестве нарративной субстанции позволяет ответить на поставленный Ф. Ницше вопрос о возможности осмысления единства субъекта, но одновременно с этим до некоторой степени продолжает гегельянскую традицию, согласно которой корни исторического познания неразрывно связаны с процессом самоидентификации. Именно то, что каждый человек обладает опытом самоописания, опытом создания истории самого себя, дает логическую возможность для написания любого исторического повествования.

Выступая в качестве элементарных структурных единиц нарратива, нарративные субстанции определяют его двойственный характер – в нарративе содержится описание явлений прошлого и одновременно формулируется точка зрения, с которой они рассматриваются. При этом обе эти функции выполняют одни и те же высказывания, т. е., строго говоря, высказывания, из которых состоит историческое повествование, нельзя разделить на описывающие прошлое и формирующие перспективу его

рассмотрения. В ходе исторического исследования доступными историческими методами, которые сами по себе не стоят в центре внимания философской рефлексии Ф. Анкерсмита, формулируются констатирующие утверждения о событиях прошлого, и именно из этих высказываний выстраиваются нарративные субстанции как самостоятельные конструкты. Фундаментальная двойственность нарратива еще раз утверждает необходимость целостного рассмотрения исторического повествования, поскольку невозможно абстрагироваться от его свойства формировать определенный взгляд на прошлое. И этим фактом отрицается возможность существования дедуктивных правил, следование которым приводит к построению удачных нарративов [там же, с. 292]. Каждый созданный историком текст, безусловно, индивидуален уже в силу того, что индивидуальна предлагаемая им точка зрения на прошлое. Но по этой же причине нарратив не может рассматриваться в отрыве от других нарративов, само значение понятия «точки зрения» предполагает наличие нескольких таких точек. Формирование определенной стратегии видения – неотъемлемая функция нарратива, которую невозможно элиминировать и которая напрямую определяет его когнитивный потенциал, именно поэтому очень важно наличие различных нарративов, посвященных одной проблеме. Чем разнообразнее и смелее предлагаемые ими точки зрения, тем рельефнее они определяют друг друга, тем полнее раскрывается их смысл и тем богаче становится в конечном итоге наше понимание прошлого. Если же по какой-либо причине представлен только один ракурс рассмотрения проблемы, это может означать либо плохую изученность вопроса, либо глубокий кризис истории как науки – преобладание одного взгляда на прошлое означает отсутствие вообще любого взгляда [там же, с. 336]. Тем самым отрицается возможность выработать или принять априорно некую единую общую концепцию мировой истории, в перспективе которой будут рассматриваться частные проблемы исследования прошлого. Каждый вопрос в сфере истории, вплоть до вопросов о ее философском фундаменте или глобальном обобщении развития человеческого общества, должен все время быть в центре научной дискуссии, рассматриваться с различных позиций, предлагающих все новые и новые видения, и в этом заключается своеобразие и ценность исторической науки как особой формы познания.

Подобный ракурс рассмотрения исторической проблематики приводит Ф. Анкерсмита к принятию возможности написания идеологически мотивированных нарративов. В этом смысле, что сближает теорию нарративной логики с анализом предрассудков Х.-Г. Гадамера, идеология сама по себе не является препятствием для создания качественных, профессиональных исторических сочинений, более того, в некоторых случаях осознанное занятие автором определенной этической позиции может быть необходимо для исследования [там же, с. 339]. Однако это не означает отрицания объективности нарратива. Не может

быть общих правил построения нарратива, так же как и нет абсолютной шкалы оценки качества нарратива, но нарративы не могут быть рассмотрены изолированно друг от друга, и это дает возможность говорить об относительных критериях достоинств каждого текста. Одно историческое исследование может быть более объективно относительно другого, и голландский философ предлагает критерий для подобного сравнения, говоря о стремлении к максимизации области нарратива [там же, с. 316]. Дело в том, что нарратив метафоричен по своему характеру, так как помимо своего описательного содержания он раскрывает область смысла, не выражаемую буквально. Предлагаемая точка зрения – это то, что текст подразумевает, описывая некоторое явление, она не предполагает особых эмпирических утверждений, но только создает условия для отбора из всех возможных высказываний о предмете высказывания строго определенного рода. Соответственно чем больше область не высказываемого буквально смысла, чем объемнее и самобытнее предлагаемая точка зрения, тем выше когнитивная значимость нарратива. Таким образом, можно сформулировать принцип оценки значимости нарратива: наиболее объективным среди конкурирующих нарративов является тот, в котором высказывания индивидуализируют нарративную субстанцию таким образом, что область нарративного значения максимально превышает описательное значение при условии, что все высказывания соответствуют исторической реальности [там же, с. 344].

Выстроенную таким образом логику нарративного познания прошлого можно суммировать следующим образом: исторический нарратив не повторяет и не воссоздает структуру прошлого, но предлагает определенного рода интерпретацию, точку зрения, в свете которой рассматривается историческая действительность, в связи с чем раскрывается метафорический характер нарратива. В этом пункте нарративная логика сближается с тропологией Х. Уайта, согласно которой тропы литературного языка оказываются релевантными в качестве категорий, в соответствии с которыми классифицируются глубинные структуры исторического воображения, определяющие стратегии объяснения прошлого. Поскольку сохранившиеся источники не могут представить целостную картину прошлого, историку необходимо сначала сформулировать возможный объект познания как связную последовательность событий [16, р. 31]. Именно по этой причине становится необходим поэтический, фигуративный язык, который позволяет идентифицировать объекты исторического повествования и характеризовать связи между ними. В этом смысле нарратив воспринимается как вербальная модель или картина определенного сегмента исторического процесса [там же, р. 30]. В изложении Ф. Анкерсмита такой подход представляет метафору и производные от нее тропы как средства, позволяющие передать историческую реальность языком нарратива [3, с. 123]. Подобное неприемлемо для голландского философа в силу принципиальной нерепрезентативно-

сти нарратива, и это заставляет его отказаться от метафоры как эпистемологического орудия. В этом пункте происходит поворот философии Ф. Анкерсмита к теории опыта прошлого, который осуществляется в работе «История и тропология: взлет и падение метафоры». Отказ от метафоры вызывает определенного рода критику, поскольку, как указывается в самой нарративной логике, нарратив принципиально метафоричен, точно так же можно поставить вопрос, насколько вообще возможно неметафоричное повествование, если само использование языка метафорично в своей основе [14, р. 131]. В этой связи необходимо отметить, что, обращаясь к теории исторического опыта, Ф. Анкерсмит ставит вопрос на несколько ином уровне, отличном от анализа нарратива как средства, позволяющего структурировать познание прошлого. Фактически голландский философ переходит к проблеме самой возможности познания прошлого как предмета изучения, который не только не может быть воспринят эмпирически, но которого, строго говоря, вообще не существует в данный момент. Другими словами, центр внимания философского анализа смещается от темы нарративного представления прошлого к проблеме исторического исследования, что в теории нарративной логики относилось к домену профессионального историка.

Фундамент предлагаемой Анкерсмитом позиции составляет обращение к аристотелианской концепции познания. Картезианско-кантианская линия эпистемологии подвергается критике, поскольку в ней принципиальную основу теории познания составляет дихотомия субъекта и объекта. По мнению голландского специалиста, в русле данного направления философия истории развивалась от эпохи Просвещения через романтизм и историзм вплоть до герменевтических концепций и аналитического подхода. Утверждение трансцендентального субъекта, противостоящего миру ноуменов, предполагает невозможность непосредственного познания объекта и требует введения некоего интерфейса взаимодействия, средства, позволяющего установить контакт с познаваемым. В этом смысле метафора рассматривается в качестве такого рода инструмента, способного неизвестное сделать известным [2, с. 85]. Наряду с тропологией также и герменевтическая линия осмысления истории, с точки зрения Ф. Анкерсмита, не выходит за пределы трансцендентализма. И хотя оказавшая значительное влияние на развитие идей голландского философа теория интерпретации текста Х.-Г. Гадамера рассматривается как важный этап на пути преодоления кантианской традиции, сама основа ее, историзирующая субъект познания, но не уничтожающая его и его противопоставленность тексту, не позволяет говорить, что цель построения некантианской концепции познания прошлого была ею достигнута. В данном случае средством установления контакта с прошлым выступает язык, только посредством которого может быть выражен исторический опыт [1, с. 124]. Бесперспективность применения подобных когнитивных моделей к истории видится в том, что в случае познания про-

шлого отсутствует объект, и соответственно субъекту просто не к чему применить интерфейс взаимодействия. По этой причине исследователю приходится конструировать как бы суррогат объекта познания, чтобы изучить его привычным способом. Ф. Анкерсмит предлагает отказаться от подобного, пытаясь в духе аристотелевской гносеологии выстроить теорию непосредственного понимания прошлого, при котором субъект и объект познания сливаются, растворяются друг в друге. Если картезианская модель наиболее точно характеризуется метафорой зрения, поскольку, чтобы увидеть предмет (на что недвусмысленно указывает сама этимология слова), необходимо сохранять некоторое расстояние между ним и субъектом, то аристотелианская модель описывается аналогией с осязанием, которое предполагает непосредственный контакт с познаваемым [там же, с. 192]. В отличие от зрения, само функционирование которого невозможно без оторванности, отдельности познающего и познаваемого, осязание приспосабливается к предмету, действительно взаимодействует и как будто сливается с ним.

Возможность перехода к непосредственному восприятию опыта прошлого Ф. Анкерсмит видит в обращении к так называемому эффекту реальности, понятие которого вводит в своих работах Р. Барт. Речь в данном случае идет о различении предсказания (prediction) – главной линии повествования и примечаний (notations) – дополнительных мелких деталей или риторических приемов, прямо не относящихся к развитию сюжета, но создающих определенную атмосферу, вовлекающих читателя в пространство текста. Подобный эффект создают, например, упоминание пирамиды из ящиков и коробок под барометром при описании комнаты или описание Руана при помощи серии метафор в романах Флобера. Независимо от того, имеет ли описываемый объект референцию за пределами текста, правдоподобие ему придается такого рода иррелевантными деталями, эстетическими приемами, подробностями, не имеющими на первый взгляд прямого отношения к сюжету. В применении к исторической теории это означает, что прошлое проявляет себя не в целенаправленно развиваемом автором повествовании, а в неких дополнительных деталях, пояснениях, возможно, непреднамеренных отступлениях, а скорее в самом напряжении между примечаниями и предсказанием – реальность приобретает смысл как коннотативное означаемое, а не как денотативное [12, с. 16]. Референт при этом отделяется от своей репрезентации, выводится за пределы исторического дискурса, эффект реальности достигается исключительно внутри самого текста его собственными средствами. Прошлое будто внезапно открывается читателю, входит в непреднамеренный и непосредственный контакт с ним, что позволяет говорить именно об опыте прошлого, опыте, который ощущается как столкновение с прошлым в настоящем.

В этой связи Ф. Анкерсмит обращается к философскому осмыслению новых на момент конца XX в. направлений исторической науки –

истории ментальности, микроистории и истории повседневности (Alltagsgeschichte), сосредоточивающих все свое внимание именно на такого рода примечаниях. Эти направления отказываются от глобальных схем исторического развития в духе А. Тойнби или широкого взгляда Ф. Броделя, охватывающего колоссальные площади и промежутки времени, обращаясь к сюжетам и персонажам, которые всегда оставались за пределами сферы интересов традиционной истории и не рассматривались ею как имеющие научную значимость. Мелкие детали повседневности, заурядные события, истории отдельных деревень, отражающая нравы и обычаи рутина, «культура безмолвствующего большинства» становятся ключевыми элементами новой истории, точками, через которые предлагается раскрывать прошлое. Но ставя в центр внимания своих исследований маргинальные, незначительные единичные случаи, историки новой волны не стремятся заменить ими традиционные сюжеты исторической науки. Это движение отрицает саму иерархию важных и незначительных социоисторических проблем [11, с. 19], не претендуя на раскрытие глубинной структуры исторического становления. Если традиционная история, даже обращаясь к изучению единичных событий, предполагала их включение в более общий контекст развития, предполагала наличие представлений о том, каким прошлое должно быть, говоря в духе Р. Коллингвуда, то микроистория уничтожает подобный метанарратив «истории вообще». И именно эта деконтекстуальность постмодернистских направлений исторического познания оказывается особенно ценной для Ф. Анкерсмита. Традиционный подход подразумевает, что включение единичного события в более широкий поток исторического становления способствует его пониманию, позволяет связать единичные случаи в последовательность, однако из поля зрения при этом выпадает тот факт, что нередко проблематично уже познание самого контекста. Исторический контекст не менее, а скорее даже более сложен, чем сингулярный факт, для понимания которого требуется его вовлеченность в целостную последовательность. С учетом вышеизложенного контекст оказывается ничем иным, как априорно выведенной структурой осмысления, навязывающей схему понимания единичным событиям, в данном случае активный субъект предопределяет познание пассивного объекта. В противоположность этому микроисторией утверждается автономия отдельных элементов прошлого, их независимость друг от друга [2, с. 406], и в связи с этим отрицается субъект-объектная иерархия, познание определяется прямым взаимодействием исследователя с событием прошлого, не опосредованным заранее данной схемой. Постмодернизм, функционируя в матрице деталей, отказывается от истористского стремления проникнуть в глубь процесса становления, увидеть за внешней хаотичностью фундаментальную связность, в результате чего прошлая реальность распадается на бесконечное число самостоятельных фрагментов [там же, с. 363].

Уничтожение исторического контекста, эпизодический характер постмодернистской истории не позволяют говорить о том, что она представляет прошлую реальность как нечто, находящееся за пределами текста. Постмодернистский нарратив не позволяет смотреть сквозь него на то, что было, он в полном смысле, как это понимается Ф. Анкерсмитом, неререференциален, а вернее саморереференциален, не репрезентируя ничего, за исключением самого себя [там же, с. 257]. Микроистории не ссылаются на что-то в реальности, но сами становятся реальным пространством, в котором прошлое проявляет себя в настоящем. Это пространство контакта прошлого и современности, чем и определяется исторический опыт. Микроистории очень хорошо вписываются в анкерсмитовскую теорию нарратива. Если работая с традиционными текстами о прошлом, голландский философ, подробно обосновывал неререференциальный характер нарративных субстанций, закладывая фундамент нарративной логики, то в случае постмодернистских текстов, не предполагающих представлять ничего, кроме единичного случая, некоего казуса, неререференциальность становится очевидной особенностью. Сущность прошлого теперь не воспринимается чем-то стабильным, что можно установить традиционными методами, историописание не обладает общей для всех нарративов структурой референции. Сущность прошлого проявляет себя скорее как бессознательное – в очевидной хаотичности, непреднамеренных деталях, оговорках, редких моментах, когда прошлое «идет само» [там же, с. 334]. В то же время постмодернистские тенденции исторического познания движутся в направлении, аналогичном направлению развития современного искусства. Как доминирующим трендом искусства второй половины XX в. являлось стремление растворить реальность в его репрезентации, а не указать на нечто, скрывающееся за картиной, так и в новых направлениях истории стирается грань между прошлым и современной реальностью, сам предмет исследования этих направлений, обладающий неуловимой прозрачностью, делает проблематичной демаркацию между прошлым и настоящим [там же, с. 304]. Прошлое, манифестируя себя в иррелевантных деталях, оказывающихся в центре внимания микроистории, утрачивает строгую временную фиксацию, оно может быть проявлено только в связи с реальностью исторического текста. Таким образом, утверждается собственная субстанциальность нарратива, отрицающая его эпистемологическую привязанность к исторической действительности. С этой точки зрения структура нарратива оказывает большое влияние на его значение, стиль повествования напрямую связан с его содержанием и не может быть отделен от него без существенной деформации смысла. Как указывает Н. Гудмен, анализируя значение стиля, писать о войнах эпохи Ренессанса и писать об искусстве Ренессанса – это не различные способы описания войн или творчества, но различные способы описания Ренессанса [8, с. 143]. То, как описывается некоторое явление, так же важно для его

понимания, как и сам анализ этого явления, по сути, способ выражения неотделим от того, что он призван выразить. В этом моменте вновь проявляется важнейшая идея нарративной логики о том, что нарратив должен рассматриваться только как целостность, его когнитивная значимость проявляется не только в единичных утверждающих высказываниях, но и в том, каким образом эти высказывания выстраиваются в целостность повествования.

Отталкиваясь от подобного хода рассуждений, Ф. Анкерсмит предлагает перейти при осмыслении истории от терминологии интерпретации, в русле которой развивалась нарративная логика, к терминологии репрезентации. Нарративные субстанции выступают при этом в роли логических моделей, которые замещают собой определенные феномены прошлого. Подобные структуры избыточны в случае естественнонаучного исследования, но необходимы в силу специфики исторического познания, поскольку последнее не может быть ограничено выяснением истинности или ложности высказываний [2, с. 242]. Истинность утверждений, из которых состоит исторический нарратив, рассматривается как необходимое, но отнюдь не единственно значимое условие качественного повествования о прошлом, что прямо вытекает из требования рассматривать нарратив исключительно в его целостности. Представление историописания в качестве репрезентации при этом предполагает существенную особенность по сравнению с традиционными теориями репрезентации. Так, анализируя подобную проблематику, Л. Витгенштейн исходит из принципиальной взаимосвязи репрезентируемого объекта и структуры репрезентации, репрезентация адекватно представляет некий объект только в том случае, если она обладает с ним чем-то общим, а именно у них должна быть общая форма. Элементы картины реальности должны соотноситься друг с другом таким же образом, каким соотносятся друг с другом объекты действительности. Репрезентация либо согласована с реальностью и корректно ее отражает, либо же нет, в последнем случае она ложна, и чтобы это проверить, необходимо сравнить картину с представляемым ею объектом [17, р. 14–18]. Специфика исторической репрезентации состоит в том, что репрезентируемый объект не может быть воспринят иначе, как через свою репрезентацию, по сути, феномен прошлого не обладает бытием, независимым от своей репрезентации и выступает в качестве объекта исследования только в контексте конкретного исторического исследования, но не за его пределами. Таким образом, нет возможности сопоставить предмет и его репрезентацию, и соответственно невозможно говорить об истинности или ложности той или иной репрезентации прошлого в витгенштейновском понимании. Исторический текст замещает собой отсутствующее в ситуации настоящего прошлое, предоставляя единственно возможный способ контакта с ним. В этом смысле наиболее близкой к исторической оказывается политическая репрезентация, анализу которой Ф. Анкерсмит уделяет также большое

внимание. В случае представляемого в политической репрезентации гражданского общества или народа реальность не может быть дана объективно, именно поэтому необходима репрезентация – репрезентация получает свои цель и значение благодаря неопределенному и по-разному истолковываемому характеру реальности, которая репрезентируется [5, с. 66]. В такой ситуации сложно говорить о том, что репрезентация представляет некий объект действительности, поскольку этот объект не дан как строго оформленная, суверенная сущность вне структуры репрезентации. Нарративный дискурс выступает в качестве симулякра прошлого: не существует предварительно данного доступа к реальности, если эта реальность и имеет какую-то собственную жизнь, то она обязана ею только своему изображению в нарративе [2, с. 359]. И по этой причине вновь показательными оказываются микроистории, которые, по словам Ф. Анкерсмита, не репрезентативны ни для чего за пределами них самих. В микроисториях прошлая реальность скорее репрезентирует самое себя, вступает в контакт с настоящим, проявляясь в мелких, незначительных деталях. Этот контакт, а вернее контраст, между прошлым и настоящим, ощущение их разности, особенно важен для развиваемой голландским философом стратегии исторического познания, поскольку в данном случае в полном соответствии с аристотелевской моделью познание осуществляется на поверхности путем непосредственного контакта познающего с познаваемым. Точно так же и общественная жизнь, возвращаясь к аналогии с политической репрезентацией, функционирует на поверхности взаимодействия между людьми [4, с. 187], а политическая власть возникает только в отношении между представителем и представляемым [5, с. 74]. Именно в связи с ощущением разности, несовместимости между прошлым и настоящим формируется опыт прошлого.

В свете данных выводов рассматриваемой теории чувство ностальгии оказывается архетипично для исторического опыта. Переживаемая как острое чувство утраты связи с чем-то, что составляло важную часть бытия человека, ностальгия ярко проявляет разность между настоящим состоянием и состоянием того же самого в прошлом. Ностальгия возникает только в тот момент, когда прошлое видится навсегда ушедшим, оторванным от настоящего. Некоторая часть самой сущности субъекта отдаляется от него и получает независимое, автономное существование, объективируется, становясь другим, «именно это мы видим, когда смотрим в зеркало прошлого: мы смотрим на себя, а видим чужого» [2, с. 113]. Эта *Sehnsucht*, стремление к чему-то, оставленному в прошлом, которое не может быть удовлетворено, чувство, переживание которого ценно само по себе и не требует достижения желаемого объекта, проявляется только в ситуации сопричастности прошлого и настоящего, их одновременной актуализации для человека. Ощущение разности между прошлым и настоящим требует их одновременного присутствия, что позволяет говорить о сосуществовании субъекта и объекта,

возможности их непосредственного соприкосновения. Выявляя эту противоположность прошлого современности, ностальгия закладывает основу посмодернистского исторического опыта, который утверждается Ф. Анкерсмитом не как опыт вчувствования в контекст прошлой реальности и не как опыт воспроизведения прошлого в настоящем, но как опыт разности, разрыва между настоящим и прошлым. В фокусе внимания постмодернистской истории находится не прошлое само по себе, но именно отличие, несовместимость прошлого и настоящего [там же]. Если историзм стремился к пониманию самого прошлого таким, каким оно было «на самом деле», то ностальгический опыт постмодерна исходит из принципиальной недостижимости, оторванности прошлого от настоящего, усматривая именно в этом различии основу исторического опыта. Ностальгический опыт понимается как опыт различия, а не опыт объекта прошлого, находящегося на другой стороне различия между прошлым и настоящим [там же, с. 381]. В некотором смысле это положение развивает идею Х.-Г. Гадамера о когнитивной ценности временной дистанции, разделяющей историка и предмет его исследования. Прошлое проявляет себя в настоящем, и понять его можно тоже только из ситуации современности, но это понимание, схватывание прошлого возможно лишь в тот момент, когда оно обозначает свои границы, противопоставляя себя настоящему.

Ф. Анкерсмит ставит целью своей философской работы построение теории, предполагающей возможность непосредственного контакта исследователя с исторической реальностью, возможность опыта восприятия прошлого, который не требует применения эпистемологического инструментария – посредника, связывающего субъект и объект познания. Именно в связи с этим критике подвергаются историософские концепции XX в. и даже тезис самого голландского философа о том, что невозможен предварительно данный, вненарративный доступ к реальности, оказывается под сомнением. Здесь следует отметить, что, строго говоря, рассматриваемой теорией не отрицается адекватность и правомерность традиционных подходов к познанию прошлого – то, что Ф. Анкерсмит называет эпистемологической историей. Речь скорее идет о разведении понятий опыт и репрезентация значения. В этом смысле различаются текст, опыт его чтения и репрезентация, дающая отчет о том, как текст прочитан, т. е. о том, что историк посчитал значением текста. Репрезентация представляет именно прочитанный текст, но не опыт чтения, который оказывается обособленным и самостоятельным [1, с. 148]. Прошлое может быть репрезентировано только через повествование, рассказ о нем, но сам опыт восприятия, взаимодействия историка с прошлым не определяется структурой нарратива и не является эпистемологической операцией по своей сути. Профессиональное научное историописание, контекстуализирующее субъект и объект познания, не соотносимо с фрагментарным сиюминутным историческим опытом и даже антагонистично ему. Однако тако-

го рода принципиальная несоизмеримость повествования и опыта не отрицает возможности, а согласно голландскому философу, и необходимости историка обращаться к обеим сторонам этой пары. Сам феномен исторического опыта приобретает смысл только при наличии профессиональной истории, которая методологическими средствами пытается заполнить радикальный разрыв с прошлым. И только после проявления и осознания в полной мере этой пропасти, разделяющей прошлое и настоящее, становится возможным осмыслить опыт непосредственного восприятия прошлой реальности.

Логика профессионального историописания и логика исторического опыта несоизмеримы, но именно в их несоизмеримости полагается ключевой пункт исследования прошлого [там же, с. 245]. Прежде чем оказаться облаченным в одежды нарративного дискурса, познание прошлого конституируется индивидуальным, а в связи с этим и коллективным, возвышенным историческим опытом. И весьма показательным при этом, что критикуя всю традицию философии XX в. вплоть до прагматизма Р. Рорти и деконструктивизма Ж. Деррида и стремясь выйти за пределы трансцендентализма исторической теории, Ф. Анкерсмит находит опору в кантианской категории возвышенного, призванной преодолеть разрыв между историческим опытом и эпистемологической историей. И. Кант связывает чувство возвышенного с восприятием бесформенного объекта, т. е. объекта, чьи формы не могут быть однозначно определены нашими органами чувств. Возвышенное предполагает контакт с тем, что выходит за пределы, преодолевает границы, не может быть схвачено категориальным аппаратом рассудка. Другими словами, чувство возвышенного определяется способностью человека мысленно преодолеть ограниченность своего собственного конечного существования, выйти за пределы границ данного [15, р. 83]. В ключевой для кантианской эстетики паре прекрасного и возвышенного первая категория полагает центр своего значения в объекте, определяясь целесообразностью его формы, в то время как возвышенное, не имея возможности быть рационально познанным, возникает только в качестве идеи разума. Если красота обнаруживает свое основание в объекте, видится как нечто внешнее, не зависящее от субъекта, то возвышенное может быть только прочувствовано под влиянием внешнего, оставаясь при этом всецело феноменом человеческого разума. Конституируется же возвышенное восприятием чего-то, что ужасает и привлекает одновременно, характеризуясь как чувство «негативного удовольствия», например, как осознание возможности противостоять превосходящим силам природы – чувство, возникающее при наблюдении за стихией из безопасного положения [там же, р. 82]. И именно на этих двух свойствах возвышенного – невозможность его познания доступными человеку рациональными методами и сочетание в нем противостоящих друг другу чувств притягательности и страха – концентрирует внимание Ф. Анкерсмит. Согласно утверждаемой

им точки зрения, введя в историсофский дискурс понятие возвышенного как феномена, проявляющего себя только в момент, когда эпистемологические инструменты, обычно используемые для осмысления мира, внезапно оказываются этой задаче не соответствующими, мы получаем философскую категорию, в свете которой возможно осмыслить творческое взаимодействие исторического повествования и опыта [1, с. 246]. Обращение к данной категории обусловлено ее потенциалом объединения несоизмеримых феноменов, но, применяя ее, невозможно выстроить регулярную методологию, невозможно вывести свод правил, определяющих процесс работы с текстом. Возвышенное раскрывается внезапно и непреднамеренно, поскольку в нем опыт реальности переживается способом, который не может быть реализован внутри возможных концепций того, как язык, теории, нарратив, категории рассудка детерминируют наше восприятие и познание мира [10, с. 138]. Применение подобного рода философского концепта предполагает возможность творческого взаимодействия исторического опыта и нарратива, но заранее нельзя понять, как именно это взаимодействие себя проявит.

Следует отметить, что развитие теории исторического познания на основе понятия возвышенного подвергается критике с различных позиций. Например, в рамках гендерной методологии вопросы вызывает уже сам факт привлечения нагруженной патриархальными коннотациями категории эстетики XVIII–XIX вв. [13, р. 189]. С другой стороны, П. Айк привлекает внимание к тому факту, что Ф. Анкерсмитом возвышенное рассматривается исключительно с негативной стороны – познание прошлого фундируется чувством сожаления, ностальгии, вызванной ощущением разрыва с прошлой идентификацией субъекта. Вне поля зрения при этом оказываются примеры положительной смены идентификации, такие как, эмансипация афроамериканского населения США после Гражданской войны или разрушение колониальных империй после Второй мировой войны [14, р. 172]. Сам П. Айк связывает подобное отношение с элитаризмом взглядов голландского философа (в связи с чем, интересно отметить высказывания Ф. Анкерсмитом симпатий относительно жизни в XVIII в., в период, предшествующий Великой французской революции [10, с. 103]). Но так это или же нет, в любом случае подобная критика так же, как и критика Э. Доманской, проявляет ограниченность познавательного потенциала категории возвышенного. Действительно, чувство возвышенного, как оно описывается И. Кантом и как оно воспринимается Ф. Анкерсмитом, всегда экстраординарно. Прорыв к возвышенному всегда нарушает регулярный, привычный ход вещей, выходит за его пределы, что делает логичным вывод, согласно которому прошлое раскрывает себя как внешний инсайт, дар момента, внезапный и непредсказуемый. И также в полном соответствии с негативными коннотациями данной категории голландским философом историческое познание возводится к ощущению разрыва между прошлым

и настоящим. Внимание концентрируется именно на несоответствии, противоречии между ними, оставляя за пределами рассмотрения принципиальную связь, сопричастность прошлого и современности. Безусловно, момент настоящего отделен от прошлого определенным, пусть даже и совсем небольшим, промежутком времени, и восприятие этой оторванности может иметь болезненный характер, однако прошлое не является некой абстракцией, имеющей место быть только в мире идей, прошлое – всегда прошлое настоящего, и в ситуации современности неизбежно наблюдается преемственность от прошлых состояний. Более того, как современность сложно рассматривать, не учитывая проявления в ней унаследованных от прошлого моментов, так и в исторических событиях зачастую обнаруживается связь с современным миром. В соответствии с этим следует признать, что, хотя развиваемый в рамках исторической теории Ф. Анкерсмита философский анализ феномена разрыва между настоящим и прошлым имеет важнейшее значение и обладает большим исследовательским потенциалом, вряд ли данный подход, оставляющий в тени тему взаимозависимости прошлого и современности, возможно, принять в качестве универсального подхода. И, строго говоря, развиваемая теория не предполагает такого рода универсальности или бесспорности, рассматривая исторический опыт как один из элементов познания прошлого, который выпадает из центра внимания традиционной философии истории. Цель развития теории возвышенного исторического опыта видится не в замене традиционной эпистемологии истории, а в ее дополнении философским анализом той стороны работы историка, которая в других подходах нередко не воспринимается значимой для историописания [1, с. 462].

Одна из ключевых особенностей всей философской рефлексии Ф. Анкерсмита заключается в концентрации внимания на значении личности, самоидентификации индивидуума как центрального пункта исторического познания. Этот момент проявляет себя уже в нарративной логике, рассматривавшей повествование в ракурсе утверждения определенной точки зрения. Сохраняется этот подход и в отсылке к ностальгическому опыту как основе восприятия прошлого, а в связи с этим и при анализе возвышенного исторического опыта, фундаментом которого представляется именно опыт конкретного субъекта. При этом возвышенный опыт отделяется от объективного и субъективного исторического опыта [там же, с. 367–368]. Объективным обозначается опыт восприятия мира самими людьми прошлого, субъективным – исторический опыт современного человека, но такой, при котором прошлое воспринимается обособленным, уже полностью не зависящим от настоящего. Исторический опыт в такой ситуации не переживается трагически, поскольку четко осознается дистанция, отделяющая настоящее от событий прошлого. В противоположность этому возвышенный исторический опыт проявляет себя как опыт разрыва, надлома между прошлым и настоящим, который

воспринимается субъектом актуально. Это радикальный вариант субъективного исторического опыта, который оформляется моментом осознания того, что настоящее отделилось от прошлого. Порождение современности из прошлого переживается как бесповоротная утрата связи с прежним миром и со своим собственным прошлым. Безусловно, такой опыт может быть только очень личным. Как пишет об этом сам Ф. Анкерсмит, «великие, ценнейшие исторические прозрения всегда уходят корнями в “непреднамеренные, бессознательные мемуары” историков, в их опыт» [там же, с. 391]. С этой точки зрения закономерен вывод о том, что возвышенный исторический опыт отличается травматическим характером. Аналогия с психологической травмой призвана подчеркнуть глубину и яркость переживаемого надлома, в соответствии с чем крупнейшие исторические сочинения представляются не просто результатом профессиональной работы историка, но и выражением внутренней трансформации автора, его мировоззренческим манифестом, что вновь позволяет говорить о близости историописания к искусству.

Психологическая травма так же, как и возвышенное, превышает способности рассудка оперировать разумно, осмыслить ее и преодолеть. Травматический опыт слишком ужасен для сознания в отличие от регулярного опыта обыденных ситуаций, которые при помощи ассоциативных возможностей включаются в историю жизни человека, он остается за границами нарратива о нашей жизни [там же, с. 458]. Травма становится непреодолимым барьером, отделяющим новую идентичность от прежнего самосознания субъекта. Характерной особенностью опыта, на что указывал еще Х.-Г. Гадамер, является перманентная новизна, готовность к открытию нового, что оказывает влияние на личность, человек обычно меняется благодаря опыту. И это особенно ярко проявляется в опыте возвышенного или в травматическом опыте – в ситуации, когда нет никакого постоянного субъекта, а индивидуальность как бы исчезает [там же, с. 314]. Субъект растворяется в опыте, и вследствие этого происходит становление новой идентичности, четко отличающей себя от своего собственного прежнего состояния. Это прошлое состояние, таким образом, объективируется и уже может быть рассмотрено со стороны, облачаясь в форму нарративного дискурса. Момент травмирующего воздействия выпадает из потока человеческой экзистенции, зачастую он исключается из сознательных воспоминаний, но именно эта амнезия – вытеснение памяти об ужасных событиях – становится барьером между прежним состоянием и новым, прошлое оказывается отчужденным и уже воспринимается как прошлое другого. Схожим образом функционирует и опыт возвышенного, выходя за пределы познавательных возможностей рассудка, он объективирует прошлое тем, что проводит границу между ним и настоящим. Чувство возвышенного воздвигает экран между старой и новой самостью человека, симулируя осознание нового состояния, возвышенное подвигает к отказу от прошлой и

формированию новой самоидентификации. Подобная ситуация позволяет говорить о том, что возвышенный, а вместе с ним и травматический опыт характеризуются одновременной непосредственностью и опосредованностью. Он оказывается непосредственными, поскольку переживается без какой-либо защиты со стороны когнитивного или психического аппарата сознания. Но при этом сам его ужасающий, травмирующий характер заставляет субъект уклоняться от этой непосредственности, отделяя себя от этого опыта, противопоставляя себя своему собственному прежнему состоянию [там же, с. 459]. Именно так, согласно подходу Ф. Анкерсмита, рождается историописание: глубокие переживания, спровоцированные знаковыми событиями, создают структуры осмысления прошлого, позволяющие рассказать о них. Подобный эффект всегда связан с конкретными кейсами, сингулярными фактами, причем заранее нельзя сказать, какое именно событие окажет такое влияние на историка, возвышенный опыт индивидуален и внезапен. Прошлое раскрывает себя в непреднамеренных, сиюминутных впечатлениях, которые историзируются нарративами. И через эту историзацию происходит преодоление, избавление от пугающего давления возвышенного. Как формируемый методом ассоциаций рассказ о прошлом человека позволяет излечиться от порождаемой травматическим опытом диссоциации, так и исторический нарратив становится избавлением от преследующих общество ужасов прошлого. В соответствии с моделью индивидуального возвышенного опыта в теории голландского философа утверждается идея коллективного возвышенного опыта. Так же как индивид на протяжении своей жизни, сообщества в своей истории на уровне коллективного восприятия переживают определенного рода рубежные события, такие, как, например, революции, благодаря которым меняется самописание, самоидентификация коллективного субъекта. Ф. Анкерсмит описывает этот процесс отказа от того, что представлялось сущностью общества ранее и переход к построению новой идентичности, понятием самоубийства цивилизаций. И тот факт, что в западной философской традиции так чутко прочувствована историческая проблематика, такое большое внимание уделяется рефлексии о прошлом и его взаимопереплетении с современностью, возможно, объясняется особой ее склонностью к подобного рода самоубийствам, той регулярностью, с которой она переживает коренные сломы и изменения самосознания [там же, с. 501].

Философская мысль Ф. Анкерсмита проходит эволюцию от теории нарративной репрезентации исторических событий к анализу опыта непосредственного восприятия прошлого. Продолжающая аналитическую традицию попытка построения нарративной логики ставит в центр внимания проблему представления результатов исследования историка в форме исторического повествования, проблему влияния, которое неизбежно оказывается нарративом на процесс познания прошлого. И

ключевые черты логики нарратива, такие, как отрицание сущностной связи между исторической реальностью и историческим повествованием, а также утверждение самосознания автора в качестве важнейшей составляющей исследования, сохраняют свое значение и при обращении голландского философа к вопросу о том, как историками формируются конкретные знания о событиях прошлого. Развиваемая на основе аристотелианской эпистемологии, концепция возвышенного исторического опыта фундирует историческое познание чувством ностальгии и травматическим переживанием разрыва между прошлым и настоящим. Именно личным опытом психологического надлома, отказа от прежней и становления новой идентификации под влиянием впечатлений, превышающих способности рассудка к рациональному осмыслению, закладывается основа понимания прошлой реальности. Такой подход отводит особое место в исторической теории памяти как способности каждого человека структурировать прошлое, отказываясь от одних воспоминаний и сохраняя другие, на что указывает и сам Ф. Анкерсмит [там же, с. 363]. Однако, в отличие от подхода П. Рикера, в данном случае феномен памяти не становится той точкой, из которой выстраивается теория познания прошлого. Голландский философ подходит к рассматриваемой проблематике с несколько иных позиций, ставя в центр своего исследования понятие возвышенного. Превышающее эпистемологический инструментальный человеческое сознание, возвышенное предлагается в качестве философской категории, в свете которой оказывается возможным рационализировать ощущение противоположности между прошлым и современностью. Подобная концентрация внимания на контрасте, несовместимости между прошлым и настоящим, на безвозвратной утрате доступа к прошлому составляет характерную особенность анкерсмитовской теории истории. Данная стратегия предлагает философский анализ феномена разрыва между прошлым и современностью и в этом смысле скорее дополняет традиционную эпистемологию истории, чем стремится ее заменить. Постмодернистский деконтекстуализм, фрагментация опыта исторического, рефлексия о маргинальных явлениях прошлого – отличительные черты рассматриваемой теории – помогают выстроить ответ на вопрос, возможен ли непосредственный контакт современного человека с реальностью прошлого. И этот контакт, с точки зрения Ф. Анкерсмита, возможен только в ситуации, когда настоящее отличает себя от прошлого, когда человек способен ощутить одновременную актуализацию, присутствие прошлого и настоящего. Феноменология опыта разрыва, перехода от прежнего самосознания к новому в частности, выступает в качестве фундамента исторического познания. Предлагаемая теория анализирует восприятие, ощущение историком прошлого, опыт непосредственного контакта с ним, подразумевая, что в дальнейшем этот опыт будет воплощен в нарративной репрезентации, что составляет возможность сочетания подхода Ф. Анкерсмита с другими тео-

рями познания прошлого, как теми, которые развивались ранее и учитывались голландским философом, так и теми, которые будут сформулированы в будущем. Неоспоримое достоинство данного подхода заключается в том, что концепция возвышенного исторического опыта позволяет понять многие важные моменты жизни исторического сознания, его воздействие на рефлексивное формирование личностного «Я» и формирование идентичности коллективных общностей.

Список литературы

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
2. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
3. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
4. Анкерсмит Ф.Р. Политическая репрезентация. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 288 с.
5. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 432 с.
6. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
7. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 75–321.
8. Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, 2001. 376 с.
9. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
10. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон, 2010. 400 с.
11. Кукарцева М.А. Ф. Анкерсмит и «новая» философия истории // Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 15–65.
12. Barthes R. The reality effect // French literary theory today: a reader. Cambridge, 1982. P. 11–18.
13. Domanska E. Frank Ankersmit: From narrative to experience // Rethinking History. 2009. V. 13, № 2. P. 175–195.
14. Icke P.P. The Journey from Language to Experience: Frank Ankersmit's Lost «Historical» Cause. N.-Y.: Routledge, 2012. 221 p.
15. Show P. The Sublime. N.-Y.: Routledge, 2007. 168 p.
16. White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimor, 1973. 448 p.

17. Wittgenstein L. Logisch-philosophische Abhandlung. London: Routledge&Kegan Paul, 1961. 200 S.

**THE SUBLIME CATEGORY IN THE CONTEXT OF F.
ANKERSMIT'S THEORY OF HISTORY**

A.A. Avanesyan

Tver State University, Tver

F. Ankersmit's historical theory should be understood as an attempt of overcoming of Kantian epistemology. Based on the Aristotelian knowledge strategy, he proposed his interpretation of the immediate perception of the past that is related to the experience of nostalgia – deep feeling of difference between the past and present state of the same object. This very experience of the co-existence of the past and the present most deeply felt in the moment of break between them should be viewed, Ankersmit believes, as a basis of historical knowledge. The traumatic character of this experience stimulates its objectivation thus permitting to bring together the historical experience and the narration of the past. The sublime category allows Ankersmit to bind together within one theory the immediate perception of the past and its narrative description.

Keywords: *narrative, narrative substance, nostalgia, trauma, sublime historical experience.*

Об авторе:

АВАНЕСЯН Артем Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: ntrickster@mail.ru

Author information:

AVANESYAN Artem Aleksandrovich – Ph.D. Student of the Dept. of Philosophy and Cultural Theory, Tver State University, Tver. E-mail: ntrickster@mail.ru